

НОЧНОЙ КОНЦЕРТ

Если кто о чём мечтает и мечта исполняется, уже трудно удержать исполненное желание. Так и я: приобрёл гараж и лодку с мотором — надо же было похвалиться приобретением, когда собралась вся бригада. Выразился, что теперь будем ездить на рыбалку на лодке, это относилось к моим друзьям Финогееву Александру и Худоногову Михаилу. Здесь ещё один любитель, Подпорин Иван, выразился, что тоже хочет с нами. Мы знали, какой это напарник — любитель выпить. Да, но после выпивки он не буянит, но любит петь песни, и причём громко. Любимая песня — «Заросла она бурьяном, на палубу вышел капитан, и вся жизнь наша копейка, и вся жизнь наша обман».

Бывало, дома выпьет, выходит на улицу, садится на скамейку — и во всё горло одно и то же. Соседям надоест — вызывают милицию. Если Ваня не вышел на работу — считай, опять в вытрезвителе. С работы его не выгоняли: мужик — трудяга, если пошлешь его на заявку, всё делает качественно, уже за ним не проверяешь. Работал в бригаде сантехников, так что я старался дать ему заявку посложней. И что самое интересное: будет делать, пока не сделает, потом теряется — и его уже на работе можно не ждать. Так что понятно: у мужика настырный характер, ясное дело, от него не отвяжешься. Мы решили: надо смяться, чтобы он не видел и не знал. В одну из пятниц, после работы, я на лодке доплыл до остановки Усть-Мана, они на электричке доехали до этой остановки. Здесь я забрал их вещи и поднялся

вверх по реке до скалы, которая стоит на левом берегу. Высота скалы — приблизительно сто или сто двадцать метров от воды. Напротив скалы, на правом берегу, поляна — как футбольное поле, хорошее место для отдыхающих. Уже ближе к вечеру на поляне, как грибы, вырастают палатки, и причём разных цветов: белые, синие, зелёные. Одно-, двух- и даже трёхместные. В общем, здесь и взрослые, и куча детей; как я смог подсчитать — человек тридцать. Уже ближе к ночи количество увеличилось.

Так как фарватера реки я не знал, заставил идти друзей по дороге, которая идёт вдоль реки. Идущие по дороге не пройдут поляну отдыхающих. Мне, чтобы подняться на лодке до скалы, в некоторых местах лодку пришлось тянуть по мелководью волоком. Как я ни старался, мои друзья пришли раньше на берег. Где было глубже, заводил мотор, кое-как доплыл до затора. Здесь когда-то огромный камень скалы упал в воду, и теперь при сплаве леса образовался затор. Выгрузив все шмотки на брёвна, заплыв выше по течению, чтобы не сорвать шпонки на винте, заглушил мотор и уже на вёслах подплыл к друзьям; так же отталкиваясь вёслами на глубину, завёл мотор. Через пару минут были на месте. Когда причалили к затору, каждый выбрал место для рыбалки. Ещё дома каждый наделал хлебных колобков, внутри каждого колобка — камушек, чтобы не снесло течением. Колобки нужны для прикормки рыбы, их накатывают из хлеба и добавляют разные крупы. Так как русло реки протекает между высоких гор и скал, тень ночи уже стала о себе заявлять, подул прохладный ветерок, надо было наловить рыбы на уху. За удачную рыбалку надо выпить по пять капель. Когда уха была готова и мы сели вокруг котелка, начали разливать водочку по кружкам, то с противоположного берега послышалась знакомая песня: «Заросла она бурьяном...» Мужики в голос: да это же Ваня! Пел он громко, да ещё включил на всю магнитофон. Сидел он около палатки, мы так были заняты рыбалкой, что не обращали внимания, какие дела были на другом берегу.

Когда уже почти стемнело, многие спрятались в палатки. Ваня продолжал петь одно и то же; мужики, которые сидели подле костра, начали его предупреждать. Нам хорошо были слышны громкие угрожающие голоса. Это не помогло, он продолжал петь. Смотрим, два мужика поднялись, подошли к Ване, взяли его за руки и за ноги, раскачали и забросили в палатку, кто-то из них выключил магнитофон. Времени было уже второй час, наступила тишина. Мы тоже улеглись.

Как только начало рассветать, туман лёгкой дымкой стелился над водой, на противоположном берегу поднялся сильный шум, даже послышался детский плач. Из палаток начали выбираться люди — мужчины и женщины. Весь палаточный лагерь, как муравейник, зашевелился. Оказывается, это Ваню ночью ограбили, то место, где он лежал, вырезали, остался только кусок полога. Всё остальное забрали: палатку, магнитофон, термос, рюкзак, даже кеды, — в общем, остался в трико и майке. Он закутался в оставшийся кусок полога, бегал от палатки до палатки, открывал полог, кричал, чтобы отдали украденное. В конце концов мужики поймали его за руки и за ноги и выкинули в реку.

Уже значительно рассвело, так что всё было видно. Я разбудил своих мужиков, и мы с Шуриком на вёслах подплыли к Ване, который стоял по пояс в воде. Мужики на берегу, с палками в руках, угрожая, кричали: «Уплывай, или отправим кормить рыб». Мало того, что вечером не дал отдохнуть, да ещё утром разбудил ни свет ни заря. Мы подплыли, успокоили мужиков, заявив, что заберём его. Ванюшка схватился за лодку, так, сплавом, поплыли вниз по течению. Мы не стали забирать его в лодку в надежде, что он протрезвеет. Вода тёплая, до станции плыть один километр.

Через двести-триста метров подняли в лодку, накрыли старым покрывалом, и то, пока сплавливались до станции, он высказал нам столько гадостей! Вышло так, будто мы виновны, что его обокрали. Времени было шестой час, первая электричка из Дивногорска — в шесть ноль пять. К этому

времени он обсох. Это хорошо, что котелок с чаем и примус были в лодке. На берегу стояло несколько палаток. Видимо, кто-то из отдыхающих оставил тапки на берегу, Шурик с Ванюшкой их «приватизировали». Я, когда еду на рыбалку, беру дополнительный комплект одежды — мне пришлось отдать ему.

Шурик пошёл, купил ему билет и проводил на электричку. Назад возвращаясь, где было глубоко, мы плыли на моторе, где мелко — тащили волоком; в общем, на место приплыли только к семи часам утра.

Утренняя рыбалка пропала.

1978

ДВОЕ В КОНТЕЙНЕРЕ

Собаки, которые стараются прижиться около гаражей, сторожевых будок, где постоянно люди, знают: им что-то перепадёт, дадут поесть. На берегу Енисея для подачи воды на завод в конце пятидесятых годов построили насосную. Вот здесь и пристроились три собаки: две сучки и молодой кобель.

В конце шестидесятых годов я был переведён на насосную станцию. Начальник цеха, зная, что я учусь в вечернем институте, предложил мне поработать на береговой насосной. Оклад мне оставили слёсаря. К тому времени я уже отслужил в армии и работал на заводе.

Я с удовольствием согласился. Моё детство прошло на берегу Енисея, именно в этом месте. Работа — сутки отдежурил, трое дома. Удобно для учёбы, можно учить на работе; одно плохо — постоянный шум моторов.

Как-то я, работая в ночную смену, услышан глухой хлопок с улицы. Выглянул в окно: два мужика тащили собаку за ноги мимо дверей насосной. Когда рассвело, на земле я увидел след крови. На берегу горел костёр. Мужики, обросшие, грязные, с усердием разделявали собаку. Издали был слышен лай двух собак, порой заглушающий шум работы

насоса. Один из них подошёл было к дверям насосной, начал стучать и просить соли, но другой что-то крикнул ему, и мужик ушёл.

Метрах в ста пятидесяти от костра стояла лесотаска, где круглосуточно шла работа: вытаскивали брёвна с воды на сушу, складывали в штабеля. Высота штабелей была примерно с трёхэтажный дом. Когда брёвна лебёдкой тащат на верх штабеля, бывает, они падают и лежат потом между штабелями. Там работали люди, и, видимо, заметив костёр, кто-то из них вызвал пожарную машину.

Машина вскоре подошла к берегу, и между мужиками и пожарными возник спор. Уже значительно рассвело, я открыл двери насосной. Подошёл пожарник, спросил, можно ли позвонить от меня в милицию. Из слов я понял, что на берегу двое мужиков, похожих на тех, кого ищут. Ориентировка на них висит в пожарке.

Он позвонил, ему сказали, чтобы ждали.

Когда я вышел на улицу, костёр уже не горел, мужики, как воробьи, сидели на бревне и с аппетитом ели собачатину. Здесь я их разглядел как следует. Они были одеты в хорошие куртки, белые рубашки, уже, правда, грязные, на ногах у них были красивые туфли.

Пожарники спрашивали их, как они среди ночи оказались на территории лесозавода и развели здесь костёр, да ещё убили собаку. Те рассказали, что несколько дней они плыли на самоходке из речпорта, расположенного в низовье Енисея. На ночь спрятались в порту в контейнере и заснули, а проснулись, когда уже плыли вверх по Енисею. Хорошо, что контейнер при погрузке поставили так, что двери можно было приоткрыть сантиметров на двадцать. Когда грузят двадцатитонные контейнеры на баржу, между бортами и контейнерами оставляют промежуток, чтобы можно было пройти на нос баржи. Перед погрузкой каждый контейнер проверяют, чтобы двери были закрыты. Проснувшись и поняв, что их ночью погрузили и они плывут, мужики начали стучать. Стук и крик услышал матрос, он-то и приоткрыл двери.

«Он нас кормил и поил, принёс кое-какие тряпки. Бывало, даже снабжал водочкой, когда мы давали ему денег, — рассказывали мужики. — А ещё струёй воды из шланга смывал наши отходы. Мы попросили, чтобы молчал, не рассказывал капитану, что на борту „зайцы“».

Рассказ их был прерван звуком милицейской сирены. «Зайцы» схватили сумки и побежали к штабелям Меня всегда интересовал вопрос: почему, подъезжая к месту преступления, милицейская машина обязательно сигналиит? Видимо, предупреждает преступников, чтобы они убегали. Подъехали бы тихо — и вот они, тёпленькие, арестовали бы. Так нет, надо сигналить, чтобы разбежались.

Моя смена закончилась, что было дальше, я не знаю. Однако в следующую мою смену в насосную пришёл тот же пожарник, что вызывал милицию. Он где-то обронил часы и искал потерю. Я спросил его, знает ли он что-нибудь про тех мужиков. Он рассказал, что после того, как мужики сбежали в штабеля, вызвали три пожарных машины. Они окружили склад брёвен. Потом приехал взвод солдат и кинологи с собаками.

Нашли их ближе к вечеру. Сначала того, что забрался под самый низ штабеля. Его, как суслика, сильным давлением воды из машины заставили вылезти. Другой поднялся на середину штабеля и спрятался между брёвнами. Сам он вылезти не мог, пришлось тащить за ноги.

Пожарник мне объяснил, что мужики эти якобы грабанили кассу в одном речном порту. По приезде самоходки в Красноярск контейнер привезли в речпорт, что расположен на правом берегу Енисея, ниже железнодорожного моста. При выгрузке они начали стучать, их открыли. Так и оказались мужики на берегу нашего порта.

Такая вот история.